

А. С. Пушкин

Собрание сочинений. Том 3

Библиотека великих писателей

**Москва
«Книга по Требованию»**

П91 **Пушкин А.С.**
Собрание сочинений. Том 3: Библиотека великих писателей / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 672 с.

ISBN 978-5-458-25432-8

Издание сопровождают отдельные этюды о каждом моменте биографии поэта, очерки о его ближайших друзьях и знакомых - Пущине, Кюхельбекере, Александре Тургеневе, Василии Пушкине, Вяземском и других, этюды о литературном влиянии на Пушкина русских и иностранных писателей. Каждое из сколько-нибудь значительных произведений Пушкина снабжено историко-литературным введением. К каждому из небольших стихотворений даются пояснительные примечания прямо параллельно тексту. Здесь нашли место наиболее замечательные из картин, писанных на пушкинские сюжеты - Брюллова, Ге, Репина, Айвазовского, Крамского, Клодта, Микешина, Мясоедова, Васнецова и многих других. Все произведения, в которых действуют исторические лица, иллюстрированы портретами этих лиц, видами местностей, бытовыми деталями и т.д. Издание напечатано особо заказанным шрифтом пушкинского времени, с сохранением авторского правописания. Порядок издания строго-хронологический, составители задавались целью представить ход творчества великого писателя в его последовательном развитии. «Мы хотели бы сделать своего рода Пушкинскую энциклопедию, где должно найти место всё, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта».

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дѣльная жестокость, вмѣсто бѣлоснѣжныхъ сѣдинъ—запекшаяся кровь.

Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ,—

теперь ворожба исчезла, совѣсть проснулась, ослѣпленный умъ прозрѣлъ и, не выдержавъ самого себя, перешелъ въ безуміе. Оно началось уже въ тотъ моментъ, когда на зарѣ Марію отъ сладкой дремоты пробудило чужое прикосновеніе. Марію показалось, что это Мазепа (даже мать приняла она за Мазепу), и она протянула съ томной нѣгой свои ищущія руки,—но слышится голосъ не любовника, а матери, и говоритъ онъ страшное, неожиданное, потрясающее. Не бредъ ли это? «Какой отецъ? какая казнь?... Или ума лишилась я, или это грезы?»... Нѣтъ, это не бредъ, не грезы; это только дѣйствительность, которая внезапно рухнула на замечтавшееся сердце и раздавила умъ.

Правда, и раньше блаженство Маріи затмевала одна печаль: она сквозь слезы воображала отца и мать «въ бездѣтной старости, однихъ» (быть можетъ, всего страшнѣе старость тѣмъ, что она бездѣтна, уже бездѣтна). Но это случалось только порою, и праздникъ ея страсти, кудрявыя сѣдины Мазепы, склоненная къ ней въ колѣни старца гордая глава заслоняли блѣдые образы другихъ стариковъ, заглушали ихъ сиротливыя пени.

Казнь отца и собственное безуміе, все трагическое возмездіе любви, постигли Марію оттого, что на своей груди она ласкала змія. Пѣвецъ и воинъ былъ Іуда. Измѣна лежала въ самомъ существѣ его природы. Онъ измѣнилъ другу, царю, въ нѣкоторомъ смыслѣ—возлюбленной. Было ему суждено всегда порывать свои привязанности—уходить отъ прежняго. Замкнутый и непроницаемый, онъ былъ одинокъ, хотѣлъ стоять одинъ передъ грозою и собой довольствовался. Даже рабомъ любви не сталъ онъ и не хочетъ «влачить позорныя оковы». Марія видитъ на немъ «власти знакъ»,—не только ту корону, которую въ глазахъ своей любовницы носить каждый любовникъ, но и царскій вѣнецъ вообще. Надменный, онъ не будетъ «пскать надменнаго привѣта самолюбивой красоты». Передъ всѣми лицемѣрный и притворный, онъ только жень не будетъ притворствомъ искушать; онъ не удостоиваетъ притво-

ряться передъ ними. Онъ за Марію не боролся съ Маріей,—онъ полюбилъ и взялъ. Ему не пришлось томиться любовной тоскою,—не тоскуетъ коршунъ по голубкѣ.

Мазепа удовлетворяетъ свои страсти или подавляетъ ихъ, и тогда на ихъ поверхность ложатся думы, и онѣ еще больше скрываютъ роковую бездну его души. Всякая душа—бездна, а двойная душа измѣнника еще и бездна роковая. И Пушкинъ ее изображаетъ въ знаменитой характеристикѣ Мазепы, которая даже среди сжатыхъ и мощныхъ строкъ «Полтавы», въ закаленной стали ея стиховъ, звучитъ особенно неумолимо и безпощадно:

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,

.....
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Эти стихи убиваютъ; это—смертный приговоръ, это—удары молота, которыми пригвождается Мазепа къ позорному столбу. Здѣсь поэтъ перестаетъ быть только поэтомъ, и здѣсь—нѣчто больше и сильнѣе слова. И даже это до такой степени сильно, что самъ Пушкинъ не удержался на такой вершинѣ, на собственной высотѣ, и его дальнѣйшій Мазепа не оправдываетъ этой казнящей характеристики: дальше—и колебанія, и жалость, и это безпричинное волненіе, когда на слабый крикъ, донесшійся до его слуха и совѣсти, онъ другимъ отвѣтствовалъ,—крикомъ былыхъ сраженій, когда по полямъ побѣды скакалъ онъ рядомъ и «съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ». Мазепа въ дѣйствиіи мягче и мельче, лучше и какъ-то обыкновеннѣе, чѣмъ Мазепа въ характеристикѣ. Мазепа позднѣйшій, не закованный въ эти убійственныя что, способенъ раскаиваться и увлекаться, и какъ Марія плѣнилась имъ, такъ онъ, подобно ей, дѣвъ робкой, увлекся «вопнственнымъ бродягой» Карломъ и «бѣглымъ счастиемъ» его побѣдъ.

Поэтъ рисуетъ его какъ человѣка безъ отчизны (хотя во время бѣгства съ Карломъ «страшно взоръ его сперкаетъ, съ роднымъ прощаясь рубежомъ»). Не за Малороссію, а за себя, за свои усы сѣдые, заступился «измѣнникъ русскаго царя». Оттого, по мысли Пушкина, Мазепа, ничѣмъ своихъ дѣлъ не освятившій, никакой

идеи или вѣрой не проникнутый, становится все мрачнѣе и мрачнѣе (часто прилагается къ нему этотъ эпитетъ), и не въ силахъ онъ заглушить ропотъ сонный, угрызения змѣиной совѣсти своей, и звѣзды ночи какъ обвинительныя очи за нимъ насмѣшливо глядятъ. Впрочемъ, это не столько совѣсть, сколько любовь. Онъ разбилъ дочернее сердце Маріи и всю ея жизнь; но привыкшій разбивать и убивать, онъ теперь почувствовалъ себя безсильнымъ и неправымъ, потому что онъ убилъ существо, все-таки любимое. И все, что надъ нимъ совершилось, и потерянный Полтавскій бой, и то, что разъ въ годъ анаемой донькѣ грозитъ о немъ соборъ,—все это кара за Марію, за то, что не до конца любилъ онъ ее, за то, что любовникъ уступилъ гетману.

И еще потому палъ Мазепа, что въ одну телѣгу онъ впрягъ коня и трепетную лань. Онъ вышелъ изъ своего одиночества, но рядомъ съ собою онъ, прирожденно-одиночкій, другого, другой не осилилъ, чужого присутствія въ своей негостеприимной и сумрачной душѣ не претворилъ, и за это—наказанія совѣсти, которая больше поводовъ имѣетъ молчать, когда человѣкъ одинъ, и начинаетъ свое укоряющее дѣло, когда ихъ двое.

Страшный своимъ коварствомъ, безмѣрно-лукавый, властитель умовъ и сердецъ, не только мужскихъ, но и женскихъ, Мазепа однако, «вздогнулъ» (Мазепа вздогнувшій, скала, которая вздогнула), когда узналъ о доносѣ Кочубея. Можетъ быть, безсознательно устрасился Мазепа не врага политическаго, а оскорбленнаго отца. Вѣдь связь частнаго съ общимъ, семья съ политикой, личнаго съ историческимъ осуществлена въ «Полтавѣ» именно тѣмъ, что Кочубей свою отцовскую обиду отомщаетъ, перенося ее въ исторію, сочетая свою и своей дочери судьбу съ ходомъ европейскихъ событій. Тайный умыселъ Мазепы раскрылся передъ Кочубеемъ,—«взоръ опасный, враждебный взоръ его проникъ» (никто такъ не проникателенъ какъ врагъ). И въ данномъ случаѣ врагъ дѣйствовалъ во многомъ такъ же, какъ и самъ Мазепа. Кочубей тоже свою «предпримчивую злобу» затаилъ въ сердцѣ и распускаетъ слухъ, что въ безсильной горести устремилъ онъ мысли ко гробу; Мазепа въ горести притворной говоритъ, что не ему удвери гроба начать ученіе измѣнить. Правда, далеко въ области притворства Кочубей зайти не

могъ, потому что онъ религіозенъ, а Мазепа къ одру своей «сомнительной кончины» кошунственно архипастырязоветъ,—

И на коварныя сѣдины
Елеи таишествпый течеть.

Наканунѣ казни, проводя свой послѣдній жизненный ночлегъ (завѣдомо въ послѣдній разъ ночуетъ онъ въ мѣрѣ, и, быть можетъ, именно потому такъ тиха, такъ божественно-тиха участливая украинская ночь), Кочубей, горечью и обидой отца доведенный до плахи, еще переживаетъ настроеніе «святой мести»: не погасаетъ въ немъ жгучее пламя ненависти, и съ этимъ пламенемъ въ непрощающей душѣ протягиваетъ онъ руки ко Христу всепрощающему, къ вождю подъ знаменемъ креста. Страшно умереть, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему. Страшно умереть безъ преемника на своемъ жизненномъ престолѣ. Кому-нибудь надо передать наслѣдіе своей вражды, но нѣтъ наслѣдника: дочь не отомститъ—

Она сама вамъ все разкажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ.

Но на мѣсто казни приближался Кочубей уже съ миромъ, съ небомъ примиренный, могущей вѣрой укрѣпленный, и онъ молился за своихъ враговъ. Есть великая поучительность въ его судьбѣ: не однажды звучитъ въ поэмѣ этотъ мотивъ: «богатъ и славенъ Кочубей»,—и вдругъ отъ богатства и славы, отъ стараго дома, гдѣ онъ родился, переходъ кошмарный и трагическій—къ плахѣ, на эту смертную дорогу, которая, полная людей, шевелится, какъ змѣиный хвостъ. По замыслу Пушкина, все это—слѣдствіе того, что прежнюю безмятежную жизнь Кочубей добровольно бросилъ не для Россіи, а для себя; не ревновалъ онъ, какъ Петръ, къ общему добру, а владѣла имъ хотя и законная, но все же личная ненависть. Отчаяніе и оскорбленіе отца, казненнаго дочерью, переплелъ онъ съ клубкомъ исторіи, и за это вмѣшательство частнаго раздавила его поступъ общихъ судебъ.

Еще больше Кочубея ненавидитъ Мазепу жена Кочубея. Въ ней старымъ коршуномъ, заклевавшимъ юную, чистую голубку, оскорблена не только мать, но и женщина. И потому она «гнѣва женскаго полна» и, нетерпѣливая, торопитъ супруга злобнаго; въ сущности она является главной виновницей всего, что произошло

дальше, и даромъ это она проникла къ Маріи съ мольбою спасти мужа.

Но есть въ поэмѣ еще одинъ ненавидящій Мазепу (надъ головою послѣдняго сошлись лучи и мечи разной ненависти, придавъ ему трагической ореолъ)—его несчастный соперникъ, тотъ безымянный казакъ, который съ младенческихъ годовъ любилъ Марію любовью страстной, любовью невысказанной, потому что отказа бь онъ не пережилъ,—тотъ казакъ, который при звѣздахъ и при лунѣ везъ доносъ на гетмана-злодѣя и не хотѣлъ отдохнуть ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ, ни при опасной переправѣ: ненависть, какъ и любовь, не можетъ отдыхать. Казакъ любилъ Марію «безмолвно, безнадежно» даже и тогда, когда позоръ Маріинъ огласился. Онъ не могъ слышать имени Мазепы,—«блѣднѣлъ, терзаясь тайно» (не только Маріи, но и никому не говорилъ о своей любви невѣдомый любовникъ). И если всѣ остальные «завидные» женихи, наѣхавшіе къ Маріи толпою, равнодушно и безъ ревности приняли вѣсть о побѣдѣ Мазепы, то незамѣтный казакъ, изъ ихъ блестящихъ рядовъ когда-то удалившійся сиротой и уныло, въ общую вражду къ Іудѣ вплесть свою безумную ярость, свою безумную ревность, и въ разгарѣ Полтавской битвы, самый ненавидящій, потому что самый любящій, рыцарь Маріи, онъ внесъ въ историческое сраженіе свой особый, свой личный бой, свою иную ненависть (какъ Палѣи внесъ ненависть свою); и на томъ самомъ неутомимомъ конѣ, который везъ его на сѣверъ въ степи необозримой, онъ устремился на Мазепу съ саблею въ рукахъ, но былъ застрѣленъ мушкетомъ Войнаровскаго, и его

потухшіи зракъ

Еще грозилъ врагу Россіи;

Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,

И имя ѿбжное Маріи

Чуть лепеталъ еще языкъ.

Да, это нѣжное имя, которое прошептали умирающія уста, было услышано Пушкинымъ въ канонадѣ Полтавскаго боя, въ шумѣ историческихъ волненій, и только потому создалась самая поэма. Пусть говоритъ она о событіяхъ, записанныхъ на міровыя скрижали, пусть она идеализируетъ войну, пусть она въ поэзію претворила исторію, но все это объективное и общее собралось вокругъ женскаго имени, вокругъ романа, и не напрасно каждая

изъ трехъ пѣсенъ «Полтавы» кончается образомъ вѣжиной и несчастной Маріи.

Въ поразительной энергіи, съ какою описанъ полтавскій бой, въ грохотѣ словъ, передающихъ огненное впечатлѣніе битвы, слышится уже тяжело-звонкое скаканье Мѣднаго Всадника. Неотдѣлимъ отъ Петра его ретивый и смиренный конь, гордящійся могущимъ сѣдокомъ,—и вотъ онъ, любимый Пушкинымъ, историческій русскій Кентавръ! Невидимо присутствуя въ «Полтавѣ» съ первыхъ страницъ ея, живой смыслъ той «смутной поры», той эпохи, которую она изображаетъ въ чертахъ немногихъ, но такихъ смѣлыхъ и сильныхъ, Петръ Великій появляется лично въ третьей пѣсенѣ и своею мощной фигурой осѣняетъ все. Воплощеніе боя, прекрасный и ужасный, онъ въ то же время—и среди «вождей спокойныхъ», которые въ разительномъ противоположеніи тревогамъ и волненію битвы, смотря на нее «взоромъ вдохновенья, движенія ратныя слѣдятъ, предвидятъ гибель и побѣду и въ тишинѣ ведутъ бесѣду». Одинаково сильный и въ тишинѣ спокойнаго совѣта и въ шумѣ сраженія, Петръ одинъ воздвигаетъ себѣ огромный памятникъ, потому что свою личность онъ отождествилъ съ Россіей, съ бѣльшимъ себя,—между тѣмъ какъ остальные герои «Полтавы» свою страсть, свое чувство поставили превыше всего. Особенно отъбняетъ Петра, человѣческимъ фономъ служитъ для него отважный Карлъ: Петръ на конѣ, Карлъ въ качалкѣ, и изъ нея, блѣдный, недвижимый, слабымъ маниемъ руки на русскіхъ двинулъ онъ полки,—всю эту волнующую конницу и тяжкую твердость пѣхоты. «Любовникъ бравной славы», онъ началъ въ Россіи особую традицію, до Наполеона создалъ наполеоновскую легенду, проложивъ кровавый путь «мужу рока»; онъ взметалъ русскія дружины,

Какъ вихоръ гонитъ прахъ должны

И клонить пыльную траву,—

но вихоръ жизни взметнулъ его самого, и теперь о немъ, скользившемъ надъ бездной, гласятъ лишь три мелкія углубленія въ землѣ,—три мхомъ поросшія ступени.

Такъ все поросло этой мертвой травой забвенья: все, кромѣ Петра—и кромѣ пѣсни. Въ ней осталась и память о той, которая вдохновила Пушкина на его поэму.

Но дочь-преступница... Преданья

Объ ней молчатъ. Ея страданья.

Ея судьба, ея конецъ

Непроницаемую тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ пародомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчить,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говорить.

Всѣ юныя казачки Россіи, всѣ ея дѣвы, эти внимательныя слушательницы пѣсенъ, узнали отъ пѣвцовъ о своей несчастной сестрѣ. Пѣвцу отдавшаяся, она и сохранилась теперь въ сочетаніи съ пѣснями своего любовника, который, быть можетъ, ее почувствовали, ея ожиданіемъ ды-

шали, и онѣ идутъ изъ устъ въ уста, и слѣпыя, старыя говорятъ о ней, молодой и прекраснѣй, и зоркой, о ея глазахъ, которые когда-то блестѣли черными звѣздами, а потоухъ, въ ночь безумной встрѣчи съ Мазепою, сверкали впалые, луной освѣщенные. Слѣпой украинскій пѣвецъ, поучая и предостерегая, говорить о ней задумавшимся юнымъ казачкамъ, говоритъ объ ея грѣшной и горькой, дѣвичьей долѣ, и о томъ же, еще слаще, еще грустнѣе, еще жалостливѣе говорить Пушкинъ,—и слушаютъ, слушаютъ юныя казачки...

Ю. Айхенвальдъ.

«ПОЛТАВА» ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ и ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ¹⁾.

I.

«Полтава» написана Пушкинымъ осенью 1828 года со скоростью изумительной: первая пѣснь была окончена 3-го октября, вторая—9-го, а третья—16-го числа. Черновая рукопись поэмы испещрена поправками, вставками, набросками и даже прерывалась рядомъ постороннихъ стиховъ. Въ нихъ авторъ говоритъ о «рѣмѣ, звучной подругѣ», которая на этотъ разъ измѣняла: видимо, въ началѣ первой пѣсни (изображеніи Маріи Кочубей) работа требовала отъ поэта нѣкоторыхъ усилій. Однако, авторъ трудился съ большою усидчивостью и жаромъ, съ лихорадочной быстротой побѣждалъ препятствія, а сейчасъ по окончаніи черновой переписалъ всю поэму начисто и только передъ отдачей рукописи въ типографію выбросилъ два отрывка (изъ первой пѣсни о казакахъ, влюбленномъ въ Марію, 8 стиховъ, а въ третьей пѣснѣ изъ словъ сумасшедшей Маріи—16 стиховъ). Въ такомъ видѣ поэма пошла въ печать въ 1829 году, дополненная только посвященіемъ и предисловіемъ (съ эпиграфомъ изъ «Мазепы» Байрона), написанными позже. Неизмѣненный текстъ «Полтавы» былъ перепечатанъ еще разъ при жизни поэта (въ 1835 г. «Поэмы и повѣсти» А. Пушкина). Пушкинъ ни разу не возвращался къ выработанному имъ тексту,

ничего не измѣнялъ, не дополнялъ въ поэмѣ. Въ письмѣ къ Плетневу осенью 1829-го г. онъ говоритъ: «Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней; далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все» (II, 95).

Пушкинъ жилъ тогда то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ въ частыхъ переѣздахъ и въ постоянной тревогѣ. Особенно напряженно чувствовалъ себя Пушкинъ въ срединѣ 1828 года, когда возникли дѣла объ элегіи «Андре Шенье» и «Гавриладѣ». Первое дѣло окончилось приговоромъ Государственнаго Совѣта, признавшимъ необходимымъ учредить за поэтомъ секретный надзоръ, какъ за неблагонадежнымъ. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ Николаемъ I въ августѣ 1828 года. Въ томъ же августѣ разбиралось въ особой комиссіи дѣло о «Гавриладѣ». Пушкина призывали, допрашивали; приходилось отречься отъ собственнаго произведенія (см. т. II наст. изданія, стр. 602). Тревожное настроеніе поэта вылилось въ стихотвореніи, написанномъ лѣтомъ 1828 г.:

Снова тучи надо мною

Собралися въ тишинѣ и т. д.

Эти непріятности и униженія сопровождались бездѣліемъ и картежемъ, которому предавался Пушкинъ лѣтомъ и въ началѣ осени этого года. Онъ говоритъ въ письмѣ П. Вяземскому отъ 1-го Сент. 1828 г., что чувствуетъ себя «безпріютнымъ, пустился въ свѣтъ» и «продолжаетъ образъ жизни, восцѣтый» имъ же въ стихахъ «А въ несчастные дни»... Вяземскій пишетъ поэту (18/25 сент. 1828): «Узналъ я, что ты проигрываешь деньги... Дѣло не хорошее... По сквер-

¹⁾ Ссылки въ настоящемъ очеркѣ сдѣланы на изд. сочиненій Пушкина подъ ред. П. О. Морозова («Просвѣщенія»). Указанія на письма даются или по акад. изданію В. П. Савитова или литер. фонда (Лит. ф., т. VII, письма послѣ 1832 г.).

ной погодѣ я надѣлся, что ты уже бросилъ карты и принялся за стихи» (II, 76). Въ то время, какъ другъ поэта писалъ эти строки, надежда его исполнилась,—Пушкинъ отъ безудержнаго азарта перешелъ къ первому, упорному труду, отдавшись ему съ запоемъ: онъ писалъ «Полтаву». Въ «Воспоминаніяхъ» М. Юзефовича мы находимъ любопытныя строки: «Пушкинъ говорилъ, что только осенью овладѣваетъ имъ бѣсъ стихотворства ¹⁾ и рассказывалъ по этому поводу, какъ была имъ написана послѣдняя въ то время (лѣто 1829-го г.) поэма «Полтава». Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома. Писалъ цѣлый день. Стихи ему даже грезились во спѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ съ постели и записывалъ ихъ впотымахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ; стихи преслѣдовали его и туда; онъ вѣлъ на скорую руку, что попало, и убѣгалъ домой, чтобы записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него сотни стиховъ въ сутки. Иногда мысли, не укладывавшіяся въ стихи, записывались имъ прозой. Но затѣмъ слѣдовала отдѣлка, при которой изъ набросковъ не оставалось и четвертой части. Я видѣлъ у него,—продолжаетъ М. Юзефовичъ,—черновые листы, до того измаранные, что на нихъ нельзя было ничего разобрать: подъ зачеркнутыми строками было по нѣсколько рядовъ зачеркнутыхъ же строкъ, такъ что на бумагѣ не оставалось уже ни одного чистаго мѣста» (Рус. Арх. 1880 г., т. III, стр. 441).

Закончивъ «Полтаву», Пушкинъ ѣдетъ въ деревню Малинники, Тверск. губ., принадлежащую его пріятелю А. Вульффу. Тутъ онъ ухаживаетъ, шутить... Воспоминанія о пребываніи въ Малинникахъ въ этотъ и другіе разы остались у Пушкина надолго. Такъ, наприимѣръ, онъ пишетъ о нихъ женѣ 24 авг. 1833 г. (Лит. ф. VII, 318). Тамъ же Пушкинъ написалъ посвященіе къ «Полтавѣ»: «Тебѣ—но голосъ музы темной»... (27-го окт. 1828 г.) съ невошедшимъ въ печатное изданіе эпиграфомъ I love this sweet name» (люблю это нѣжное имя). Анненковъ сближаетъ по времени сочиненія это посвя-

щеніе съ восьмистишіемъ «Я думалъ, сердце позабыло»... (Матеріалы, стр. 212). Правдоподобно, что это «нѣжное имя»—Марія, какимъ поэтъ переименовалъ Матрону Кочубей. Въ письмѣ къ Вульффу отъ того же числа, что и посвященіе, мы встрѣчаемъ упоминаніе о Маріи Васильевнѣ Борисовой. Пушкинъ говоритъ о ней, что она—«двѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ», и что онъ «намѣренъ на-дняхъ въ нее влюбиться» (II, 79). Но шуточный тонъ похвалы, да и самое содержаніе посвященія, не даетъ намъ возможности признать за М. В. Борисовой ту, которой посвящена «Полтава», и имя это остается загадкой. Вернувшись въ Петербургъ, Пушкинъ написалъ предисловіе къ поэмѣ (31-е января 1829 г.), и въ февралѣ того же года П. Плетневъ приступилъ къ изданію поэмы.

А для поэта насталъ самый тревожный періодъ жизни. Онъ мечется изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, встрѣчается съ Н. Н. Гончаровой, дѣлаетъ ей предложеніе, получаетъ уклончивый полуотказъ, мчится на Кавказъ (начало мая 1829 г.), проводитъ въ путешествіи три мѣсяца, 10 августа на возвратномъ пути проѣзжаетъ черезъ Владикавказъ и здѣсь находитъ, наконецъ, русскіе журналы. «Первая статья,—пишетъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ»,—попавшаяся мнѣ, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи (это былъ отзывъ Надеждина о «Полтавѣ» въ «Вѣст. Евр.» 1829 г., см. ниже). Таково было мнѣ первое при- вѣтствіе въ любезномъ отечествѣ».

И поэта, дѣйствительно, ожидали на родинѣ и житейскія, и литературныя терніи.

II.

Въ историко-литературномъ анализѣ «Полтавы» мы должны сосредоточить вниманіе на трехъ вопросахъ: о вліяніи на Пушкина южно-русскихъ впечатлѣній—быта, обстановки и природы; объ историческихъ и книжныхъ источникахъ поэмы, объ отношеніи поэмы къ созданіямъ другихъ писателей на тему, обработанную Пушкинымъ.

Пушкинъ пробылъ на югѣ Россіи болѣе четырехъ лѣтъ. Больше всего времени провелъ онъ въ городахъ—Кишиневѣ и Одессѣ, двѣ недѣли пробылъ въ Екатеринославѣ, побывалъ на переднемъ Кавказѣ и въ Крыму, ѣздилъ по Бессарабіи, наконецъ три раза посѣтилъ с. Каменку, имѣніе Раевскихъ въ Кіев. г. Чигиринск. у. Нѣкоторые изслѣдователи,

¹⁾ См. о пребываніи его въ Болдинѣ, Нижегород. г., осенью 1830 и 1833 гг.; слова въ письмахъ къ П. Вяземскому: «Не пишу покамѣстъ ничего, ожидаю осени» (II, 267), П. Плетневу: «Осень подходитъ. Это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнеть; пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ» (II, 172).

опредѣляя вліяніе украинскихъ впечатлѣній—природы, жизни, быта и т. п.—такъ сказать, исторіи и этнографіи малорусской, старались выискать и, какъ намъ думается, преувеличить значеніе этихъ впечатлѣній. Проф. Н. Сумцовъ говоритъ, что, «хотя Пушкинъ пребывалъ очень короткое время въ Екатеринославѣ, но, по словамъ Смирновой, записалъ здѣсь двѣ сказки, неизвѣстно какія. Предполагаю (?), что одной изъ этихъ сказокъ была демонологическая сказка о полетѣ вѣдьмы. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ знакомъ съ народной словесностью и пѣснями (очевидно, украинскими), доказательствомъ чего служить «Казакъ», и со сказками, какъ видно изъ «Гусара». Затѣмъ, въ концѣ «Полтавы» есть указаніе, что Пушкинъ знакомъ былъ съ украинскими кобзарями, по крайней мѣрѣ, видѣлъ ихъ» («Этюды о Пушкинѣ», 268, 272). Но—«Записки» Смирновой представляютъ матеріалъ весьма проблематической достовѣрности; «Казакъ», «донецъ, хватъ—Денисъ» написанъ въ 1814 г.; «Гусаръ» же въ 1833 г. уже послѣ знакомства поэта съ Гоголемъ и его «демонологіей» въ повѣстяхъ; а слѣдующихъ украинскихъ кобзарей, брягачи и мимоходомъ о грѣшной дѣвѣ, скорѣе всего Пушкинъ, какъ и никто другой, совсѣмъ не видѣлъ.—Проф. П. Владимировъ находитъ, что въ «Полтавѣ» все проникнуто мѣстными красками: Кіевскія высоты, сады съ тополями, замки, хутора, синій Днѣпръ, панъ гетманъ, сердюки, долгогривые кони, погони, грабежи, кровавыя сцены и рядомъ—«моленье ликовъ громогласныхъ за упокой души несчастныхъ» («Памяти Пушкина», Сборникъ Кіевск. универс. 1899 г., стр. 44). Почему все это—мѣстные черты и краски—мы никакъ не можемъ понять, а «погони, грабежи, кровавыя сцены и моленье ликовъ» развѣ могутъ скорѣе напомнить объ Иванѣ Грозномъ, а никакъ не объ исключительно украинскихъ бытовыхъ свойствахъ и историческихъ особенностяхъ.

Г. Булашевъ даетъ глухое сообщеніе о томъ, что Пушкинъ, посѣтивъ Кіевъ, всецѣло проникнулся здѣсь національнымъ чувствомъ (!) и народностью, и подъ этимъ впечатлѣніемъ создалъ «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» («Сборникъ Пушкину» Кіевск. Педагогич. об-ва 1899 г. стр. 72). Въ упомянутомъ же Сборникѣ мы находимъ большую статью профес. Н. Петрова: «Отно-

шеніе поэзіи Пушкина къ украинской жизни и поэзіи». Авторъ утверждаетъ, что въ Кіевъ и въ Каменку поэтъ удалялся и отдыхалъ тамъ отъ прилива сильныхъ впечатлѣній, только что полученныхъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи, сосредоточивался въ себѣ и очищалъ эти впечатлѣнія въ горнилѣ «художественнаго творчества, сводя счеты съ прежнею жизнью» (стр. 155). Все это соображенія, ни на чемъ не основанныя и даже противорѣчащія извѣстнымъ фактамъ и письмамъ Пушкина: въ Кіевъ поэтъ ѣздилъ на свадьбу своихъ хорошихъ знакомыхъ (М. О. Орлова и Ек. Н. Раевской) и прожилъ не болѣе двухъ недѣль, ничѣмъ не отразившихся въ его творествѣ и воспоминаніяхъ (написано въ Кіевѣ одно стихотвореніе «Земля и море» 8-го февр.). Въ с. Каменку Пушкинъ совсѣмъ ѣздилъ не за тѣмъ, о чемъ пишетъ проф. Петровъ. Въ письмѣ къ Н. Гнѣдичу отъ 4-го дек. 1820 г. изъ Каменки поэтъ опредѣленно говоритъ: «Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами... Женщинъ мало, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ (1, 22)», и, очевидно, слѣдовательно, немного впечатлѣній отъ украинскаго быта и природы. Новѣйшій изслѣдователь пребыванія поэта въ Каменкѣ, проф. Лобода тоже приходитъ къ заключенію, что «Пушкинъ былъ равнодушенъ къ самой Каменкѣ» (Кіевск. сборникъ «Памяти Пушкина»). Не менѣе произвольно утвержденіе проф. Петрова, что «ко времени поѣздокъ Пушкина въ Кіевъ и Каменку относится его «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», написанная если не въ Кіевѣ, то подъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ. Эта пѣснь довольно ясно (?) указываетъ на (кіевскую гору) Щекавицу. Пушкинъ, конечно, былъ на этой горѣ» (Op. cit. 155). Поэтъ могъ быть и не быть на горѣ Щекавицкаго кладбища, имѣющей сомнительное отношеніе къ князю Олегу, по доподлинно извѣстно, что «Пѣснь» о немъ онъ написалъ въ Кишиневѣ и болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ посѣщенія Кіева (1-го марта 1822 г.) Совершенно необоснованы и дальнѣйшія утвержденія профессора, что мысль написать поэму «Полтава» зародилась у Пушкина на югѣ Россіи, что «въ центрѣ самой Украины, въ Кіевѣ или Каменкѣ, онъ узналъ то, чего не могъ узнать около Бендеръ отъ казака Искры» (т.-е. о Мазепѣ и его могилѣ), наконецъ, что «черты образа Маріи у Пушкина на-

вѣяны женскими украинскими пѣснями». (Ор. с. 156—157).

Въ дѣйствительности, Пушкинъ немного вынесъ впечатлѣній изъ Малороссіи. Языка ея онъ не зналъ; пребываніе его тамъ было кратковременнымъ и спѣшнымъ. Сильныя переживанія и воспоминанія о Кавказѣ, Крымѣ, даже Бессарабіи заслоняли для него мимолетныя впечатлѣнія отъ украинской жизни и природы. Интересы Пушкина въ 1820—1822-хъ гг. были далеки отъ какихъ бы то ни было этнографическихъ соображеній и желанія проникнуть въ своеобразную народную жизнь Украины. Проніей звучитъ, когда поклонники поэта выискиваютъ «рѣчь малорусскаго народа» и находятъ три украинскихъ слова въ «Полтавѣ» — сткло, хуторъ, катъ (Петровъ), а въ «Гусарѣ» дѣблхъ шесть:

Дѣвпръ, Маруся,
чернобрива, галушки
хлопецъ, дурень и
эгѣ! (Сумцовъ, Владимировъ). Фактъ этотъ—мы бы сказали, равнодушія къ Малороссіи—неожиданъ особенно потому, что Пушкинъ при созданіи, наприкладъ, «Кавказскаго Пльнника», «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана» очень интересовался мѣстными красками и своеобразными чертами

жизни и быта цыганъ и крымскихъ татаръ, даже ввелъ въ одну поэму черкесскую, въ другую — татарскую, въ третью молдаванскую пѣсни.

Впрочемъ, самимъ изслѣдователямъ приходится себѣ противорѣчить и сознаваться въ томъ, что «мѣстныя черты «Полтавы» выступаютъ не рѣзко», что «Петръ В. и Полтавскій бой заслонили отъ Пушкина подробности внутренней жизни старой Малороссіи XVII—XVIII вв.», что слова объ украинскихъ пѣвцахъ «безцвѣтны» и т. п. (Владимировъ, Ор. с., стр. 43—45), Проф. Сумцовъ принужденъ также признать, что вынесенныя поэтомъ «изъ Кіева и Каменки

впечатлѣнія были слабы», что «лучшіи остатки ихъ—описаніе Украинской ночи, но во всемъ остальномъ мѣстный колоритъ очень слабъ или совѣмъ отсутствуетъ», что «по происхожденію, образованію, своимъ интересамъ самъ Пушкинъ стоялъ далеко отъ Малороссіи, и знакомство его съ этимъ краемъ было болѣе книжное, чѣмъ личное» (Ор. с. 268—269). По поводу же описанія Украинской ночи мы замѣтимъ, что геній Пушкина далъ правдивыя и яркія описанія Испаніи, которой онъ никогда не видѣлъ; ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ создалъ чудную картину ночи въ Малороссіи, которую видѣлъ.

Есть два несомнѣнныхъ факта прямого отношенія Пушкина къ Украинской этнографіи и исторіи, но факта незначительныхъ, на которые изслѣдователи не обращали вниманія. 18-го октября 1822 г. поэтъ писалъ брату изъ Кишинева о присылкѣ книги «Цертелева, древнія стихотворенія» (I, 58). Этой книгой могъ быть только «Опытъ собранія старинныхъ малорусскихъ пѣсней», изд. Цертелевымъ въ 1819 г. Но получили ли эту книгу Пушкинъ, мы не знаемъ. Другой фактъ касается исторіи Украины. Въ Августѣ 1833 г. поэтъ былъ

МАЗЕПА.

(Музей Тарновскаго въ Черниговѣ).

въ имѣніи Гончаровыхъ, с. Яропольцѣ, Волоколам. у. Московс. г. и писалъ женѣ: «Н. Ив. (теща) разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед. водилъ меня на его гробницу» (Лит. ф. VII, 319). Упоминаемый здѣсь Дорошенко—извѣстный украинскій гетманъ, который умеръ въ 1698 г. и похороненъ въ с. Яропольцѣ. Есть еще одинъ фактъ, часто упоминаемый при указаніяхъ на украинскія симпатіи Пушкина. М. Максимовичъ, бывший съ поэтомъ въ хорошихъ отношеніяхъ, рассказываетъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина, онъ засталъ

поэта за своимъ сборникомъ пѣсенъ: «А я обираю ваши пѣсни», сказалъ Пушкинъ. Дѣло идетъ о сборникѣ Максимовича «Малороссійскія пѣсни», изд. въ 1827 г. Но однако, какихъ-нибудь слѣдовъ этого «обирания» въ «Полтавѣ» мы не находимъ, и, вѣрнѣе всего,—слова Пушкина были любовью, сказанною шутливымъ тономъ пріятелю и поклоннику. Такихъ между украинцами у него было нѣсколько лицъ: кромѣ Максимовича, Пушкинъ былъ хорошъ съ Н. Марковичемъ, впоследствии авторомъ малорусской исторіи, съ переводчикомъ его «Полтавы» на малорусскій языкъ Е. Гребенкой, поэтомъ А. Родзянкой, помѣщикомъ М. Судіенкомъ и др. Не говоримъ, конечно, о близкихъ отношеніяхъ Пушкина къ Гоголю. Послѣднія, несомнѣнно, скрѣпили и расширили знакомство и связи Пушкина съ Малороссіей, ея исторіей и поэзіей, но это относится уже къ послѣднимъ годамъ жизни поэта.

Вотъ каковы были живыя, дѣйствительныя, непосредственныя отношенія къ Украинѣ и украинцамъ. Для произведеній, въ которыхъ изображалась Малороссія, поэтъ нуждался въ книжномъ знакомствѣ. И «Полтава» создана не подъ непосредственными украинскими впечатлѣніями, а послѣ ознакомленія съ книжными матеріалами.

III.

Пушкинъ былъ знакомъ съ исторіей Мазепы и интересовался эпохой борьбы Петра I съ Карломъ XII еще задолго до созданія «Полтавы». Несомнѣнно, что первымъ по времени источникомъ для этого знакомства служили поэту Вольтеровы Исторія Карла XII и Петра Великаго. «Исторія Карла XII» послужила источникомъ и для Пушкина, и для Байрона, и для другихъ писателей. Она дала Пушкину первыя свѣдѣнія о Мазепѣ. Изъ Вольтеровой же исторіи Карла Пушкинъ почерпнулъ — позже, вѣроятно, подробности о договорахъ гетмана съ Польскимъ и Шведскимъ королями, о походахъ Карла XII въ Польшу и Саксонію (см. слова Мазепы Орлику), о подробностяхъ Полтавской битвы (конь Петра I, качалка Карла) о совмѣстномъ бѣгствѣ Мазепы и Карла къ Дибру, а также о пребываніи Карла XII въ Бендерахъ (см. «Эпиграммъ»). У Вольтера рассказано тоже подробно объ отношеніи Петра къ шведскимъ пѣвникамъ, о надеждѣ царя видѣть среди нихъ короля (Петръ принималъ пѣвниковъ и каждую минуту спрашивалъ: «Гдѣ же братъ

мой Карлъ?») и объ угощеніи шведскихъ генераловъ, которыхъ онъ хвалилъ за истинно-вѣрную службу своему государю и пилъ за здоровье «учителей своихъ въ военномъ искусствѣ» (т. IV).

Канвой для фабулы «Полтавы» послужилъ историческій рассказъ Д. Бантыша-Каменскаго, а для 3-й пѣсни и изображенія военныхъ событій—«Дѣянія Петра В.» Голикова и «Журналъ или подневная записка блаженной памяти Г. И. Петра В.», изд. Щербатовымъ въ 1772 г.—Бантыш-Каменскій издалъ въ 1822 г. свой обширный трудъ «Исторія Малороссія» въ 4-хъ большихъ томахъ. Эта исторія носитъ на себѣ типичныя черты исторіи Карамзинскаго періода,—полна реторики и казеннаго пафоса, обилуетъ общими мѣстами и субъективными приговорами. Третій томъ ея и часть четвертаго посвящены Мазепѣ и его времени. До 40-хъ годовъ, т. е. до появленія «Исторіи Малороссія» Н. Марковича (1842 г. и «Исторіи Русовъ», изд. О. Бодянскимъ (1846 г.)), это былъ единственный распространенный источникъ по малорусской исторіи, кромѣ лѣтописей XVII—XVIII в., мало извѣстныхъ обыкновеннымъ читателямъ. Можно предполагать, что Пушкинъ уже на югѣ былъ знакомъ съ книгой Бантыша-К., такъ какъ онъ, благодаря указанію въ ней на мѣсто погребенія въ с. Варницы, близъ Бендеръ (у Вольтера только глухо упоминается о смерти Мазепы), предпринялъ безполезныя розыски гетманской могилы. О нихъ рассказываетъ Липранди въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ началѣ 1824 г. въ Одессѣ Пушкинъ узналъ, что въ Варницѣ живетъ глубокой старикъ Николай Искра, знавшій еще походы Карла XII. Поэтъ собрался и поѣхалъ съ Липранди. Искру, чуть не 130-лѣтняго старика, отыскали. Онъ многое рассказывалъ о Карлѣ, но ничего не могъ припомнить о Мазепѣ. Пушкинъ не отставалъ, толкуя старику, что Мазепа былъ казачій генералъ и православный, а не бусурманъ, какъ шведы, но напрасно. Поэтъ, не теряя надежды отыскать могилу, спрашивалъ, нѣтъ ли еще такихъ же стариковъ, какъ Искра, нѣтъ ли старинныхъ церквей поблизости. Но ему отвѣчали, что подобныхъ стариковъ нѣтъ, а что церкви еще прежде были «спалены татарами». Раздосадованный и недовольный Пушкинъ возвратился въ Бендеры, а оттуда въ Одессу (Рус. Арх. 1866 стр. 1464). Но если даже поэтъ получалъ свѣдѣнія о Вар-

ницѣ помимо Бантыша - Каменскаго, то его «Исторію Малороссіи» онъ уже зналъ хорошо во время созданія «Полтавы», потому что подробности разсказа въ поэмѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ, идутъ согласно и послѣдовательно изложенію въ этомъ историческомъ пересказѣ. Въ приложеніяхъ къ III-му тому книги поэтъ нашелъ, конечно, и письма Мазепы къ Петру (о «дьявольскихъ искушеніяхъ» на измѣну и о вѣрности гетмана), и его же письма къ Кочубею и обратно (по поводу дочери), и «Инструкцію отъ кор. Станислава къ Мазепѣ», и, наконецъ, патріотическую малороссійскую думу, приписываемую Мазепѣ—«Всі покою щиро прагнуть»... (Прилож. XI, XII, XVI, XVII, XX) и др. Поливановъ въ своемъ изд. Пушкина подробно прослѣдилъ шагъ за шагомъ, какъ текстъ «Полтавы» совпадаетъ съ изложеніемъ событій у Бантыша-Каменскаго; въ той-же мѣрѣ Пушкинъ слѣдовалъ «Дѣяніямъ» Голикова и «Журналу Петра В.».

Къ источникамъ «Полтавы», причисляютъ рукописную «Исторію Руссовъ». Это тенденціозно-патріотическое сочиненіе, въ малорусско-шляхетскомъ смыслѣ, приписывалось извѣстному епископу XVIII в. Георгію Конисскому. Несомнѣнно, однако, что оно написано въ первой четверти XIX в., вѣроятно всего,—Г. А. и В. Г. Полетиками, отцомъ и особенно сыномъ, украинскими патріотами—дворянами, либерально и конституціонно настроенными. «Исторія Руссовъ» въ рукописи появилась въ обращеніи въ 20-хъ гг. Старѣйшая рукопись извѣстна отъ 1828 г. въ Стародубщинѣ. Мѣстный помѣщикъ Ширай снялъ копию съ нея и одну изъ нихъ переслалъ Бантышу-Каменскому (во 2-мъ изд. его «Исторіи» 1830 г. замѣтно вліяніе этого сочиненія). Въ 1829 г., должно быть, познакомился съ рукописью и М. Максимовичъ. Напечатанная лишь черезъ 16 лѣтъ, она была такъ распространена въ рукописяхъ, что оказала сильное вліяніе на историковъ и поэтовъ, касавшихся малорусской старины—Марковича, Срезневскаго, Шевченко, П. Кулиша (Романъ «Мих. Чернышенко»), Костомарова (драма «Косинскій»), Е. Гребенку («Ив. Золотаренко»); наконецъ, Гоголя въ «Тарасѣ Бульбѣ» (статья Гоголя «Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи» въ «Жур. М. Нар. Ц.» 1834 г. № 4 составлена тоже по «Исторіи Руссовъ»). Самъ Пушкинъ далъ о ней похвальный отзывъ въ рецензіи на Собраніе сочиненій Конисскаго. Но, вопреки мнѣнію нѣкото-

рыхъ комментаторовъ (В. Стоюнинъ, П. Сумцовъ и др.), мы можемъ смѣло утверждать, что Пушкинъ въ 1828 г., во время созданія «Полтавы», совсѣмъ не былъ знакомъ съ «Исторіей Руссовъ». Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только то, что даже такіе специалисты по исторіи Малороссіи, какъ Бантышъ-Каменскій, Марковичъ и Максимовичъ познакомились съ Псевдо-Конисскимъ въ 1829 г., но и тщательное изслѣдованіе «Исторіи», не давшее указаній на какіе-нибудь слѣды ея въ поэмѣ. Пушкинъ упоминаетъ о Лѣтописи Конисскаго лишь въ 1830 году въ примѣчаніи къ своимъ «Критическимъ Замѣткамъ». Приблизительно около этого времени и познакомился Пушкинъ съ «Исторіей Руссовъ», очевидно, черезъ своихъ друзей-малоруссовъ. На заинтересованность Пушкина малорусской исторіей именно въ 1830 г. указываетъ и его замѣтка о Малороссіи того же года. Поэта занимали вопросы; «Что нынѣ называется Малороссіей? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ вліяніемъ татаръ? Отъ Гедимина—до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго—до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго—до Мазепы, отъ Мазепы—до Разумовскаго» (Сочин. т. VII, стр. 26). Весьма вѣроятно, что именно объ этой малорусской рукописи пишетъ Пушкинъ, разсказывая женѣ о встрѣчѣ въ Москвѣ съ Н. Раевскимъ въ Августѣ 1833 г., когда онъ спросилъ своего друга, интересовавшагося малорусской исторіей: „Qu'avez vous fait de mon manuscrit petit-russien?“ (Лит. ф. VII, 322).

В. В. Сиповскій въ своей книгѣ о Пушкинѣ указываетъ на то, что «особенное значеніе для Пушкина имѣла біографія гетмана, составленная А. О. Корниловичемъ и приложенная къ поэмѣ К. Рылѣева «Войнаровский» (стр. 529). Затѣмъ изслѣдователь сопоставляетъ и построчно сличаетъ тексты этого предисловія и поэмы и указываетъ, будто именно это краткое предисловіе и было историческимъ источникомъ, такъ что даже недоумѣнія Корниловича по поводу характера и цѣлей измѣны Мазепы являются источникомъ подобныхъ же «недоумѣній» и Пушкина. (Ор. с. 532). И съ Бантышомъ-де поэтъ былъ знакомъ, но взялъ изъ него лишь «нѣкоторые факты и имена изъ исторіи казачьихъ войнъ» и «текстъ письма Мазепы къ Петру» (533). Но офицеръ генеральнаго штаба А. О. Корниловичъ (авторъ карманной книжки «Рус-

ская старина» для любителей отечества на 1825 г.) написал для пріятеля своего Рылѣва предисловіе — «жизнеописание Мазепы» по Бантышу-Каменскому, ограничивъ изложеніе событій даже однимъ третьимъ томомъ «Исторіи Малороссіи». Съ какой же стати Пушкинъ, хорошо уже знакомый къ 1828 г. съ источникомъ знаній Корниловича, использовалъ-бы не этотъ первоисточникъ, а плохую компиляцію. То же надо сказать и о примѣчаніи къ «Войнаровскому» о Палии: Пушкинъ, конечно, изъ Бантыша, а не изъ этого указанія почерпнулъ свѣдѣнія о хвостовскомъ полковникѣ, который, замѣтимъ, никогда никакимъ гетманомъ не былъ (Ор. с. 537). Что же касается вообще примѣчаній къ поэмамъ Рылѣва и Пушкина, то сближеніе ихъ—одно недоразумѣніе. Примѣчанія Пушкина (кстати, показывающія, что источникомъ поэмы былъ именно Бантышъ-К., а не Корниловичъ) совсѣмъ не имѣли того смысла, какой носили они у Рылѣва. У Рылѣва примѣчанія и предисловія потому характерны, что ими авторъ хотѣлъ защитить свою поэму отъ цензурной подозрительности (въ этомъ не имѣлъ надобности Пушкинъ). Вѣдь Рылѣвъ съ нескрываемою симпатіей говорилъ о ссыльномъ Войнаровскомъ и изображаетъ Мазепу патриотомъ-неудачникомъ.

IV.

Крайне малочислены художественныя произведенія, касавшіяся Мазепы и Полтавской битвы до Пушкина. Не будемъ говорить о Ломоносовѣ.—Его «Петръ Великій» никакого отношенія къ «Полтавѣ» не имѣетъ. А попытки сблизить обихъ поэтовъ приводили къ тому лишь, что находили сходство между стихами Пушкина о конѣ Петра:

И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордась могучимъ сѣдокомъ,

и стихами Ломоносова изъ «Оды Импер. Елизаветѣ 1750 г.»

И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницею (Елизаветой) гордись.

Въ 1784 г. неизвѣстный авторъ издалъ совершенно бездарную повѣсть «Прекрасная Россіянка», въ которой касался любовныхъ походовъ Мазепы, по отношенію не исторіи съ дочерью Кочубея. Въ 1803 году ивѣкій іезуитъ Никодимъ Мусницкій

издалъ въ Полоцкѣ на польскомъ языкѣ поэму въ 10 пѣсняхъ — «Pultawa», не имѣющую никакого серьезнаго литературнаго значенія. Не многимъ выше этой поэмы ода Мерзлякова, напыщенная, безформенная, преисполненная ходульно-патріотическаго пафоса, тяжелая по мысли и слогу. Она была прочтена на актѣ московскаго университета и напечатана въ «Вѣстн. Евр.» 1827 г. № 12. — На такомъ же актѣ въ 1825 г. прочтано было менѣе ходульное, болѣе короткое и болѣе удачное стихотвореніе Ник. Писаревымъ (помѣщенное потомъ въ Сборникѣ рѣчей Моск. у-та 1825 г.). Тутъ мы находимъ, въ обычномъ повышенномъ тонѣ, восхваленіе Петра, рассказъ о встрѣчѣ его съ Карломъ подъ Полтавой, восклицаніе—«Полтава! Ты царей учитель!» и сравненіе Петра I съ Александромъ I, изгнавшимъ французовъ изъ Москвы. Нѣтъ, однако, никакихъ данныхъ о томъ, что Пушкинъ былъ ли знакомъ съ этими повѣствованіями и виршами.

«Мазепу» Байрона (1819) нашъ поэтъ зналъ задолго до созданія «Полтавы». У Байрона рассказъ ведется отъ лица Мазепы. Во время бѣгства послѣ Полтавскаго сраженія, на ночлегѣ, гетманъ повѣствуетъ Карлу XII о любви къ молодой Терезѣ, о мести ея стараго мужа, о скачкѣ Мазепы, привязаннаго къ коню, по украинскимъ степямъ, освобожденія его и о мести гетмана, сжегшаго и уничтожившаго впоследствии замокъ своего врага. Рассказъ Мазепы имѣетъ иѣкоторое отношеніе къ личной судьбѣ Байрона, около этого времени полюбившаго молодую жену стараго венеціанца Терезу Гвичіоли. Въ предисловіи Байронъ говоритъ, что источникомъ для него послужила Вольтерова Исторія Карла XII. Главнѣйшій интересъ поэмы заключается въ описаніи бѣшеннаго скачки коня, страданій и думъ Мазепы и въ изображеніи дикой, хотя и невѣрной для Украины, чудной степной природы. Мазепа у Байрона напоминаетъ излюбленныхъ героевъ поэта. Онъ, прикованный къ коню, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, испытываетъ величайшія муки, изображенныя съ тою изумительной силой, съ какою умѣлъ вообще изображать человѣческія мученія Байронъ. Но страданія не подорвали ни физической, ни духовной мощи Мазепы. Его до конца не покидаетъ вѣра въ свои силы, несмотря на всѣ неудачи и горе жизни; онъ безграниченъ въ своемъ мщеніи и злобѣ, не знаетъ мѣры ни хорошему, ни дурному.